

Владислав Грибовский, Дмитрий Сень

**ФРОНТИРНЫЕ ЭЛИТЫ И ПРОБЛЕМА
СТАБИЛИЗАЦИИ ГРАНИЦ РОССИЙСКОЙ
И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЙ В ПЕРВОЙ
ТРЕТИ XVIII в.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КУБАНСКОГО СЕРАСКЕРА БАХТЫ-ГИРЕЯ**

У статті розглядається діяльність кубанського сераскера Бахти-Гирея як одного з найвпливовіших представників фронтірних еліт, котрі протидіяли процесові стабілізації кордонів Російської та Османської імперій у першій третині XVIII ст.

Ключові слова: фронтір, Кримське ханство, Кубань, ногайці, калмики, запорозьке козацтво.

В статье рассматривается деятельность кубанского сераскера Бахты-Гирея как одного из влиятельных представителей фронтірных элит, которые противодействовали процессу стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в.

Ключевые слова: фронтір, Крымское ханство, Кубань, ногайцы, калмыки, запорожское казачество.

The article examines Kuban serasker Bakhty-Giray's activity as one of the most influential representative of frontier elites, who counteracting the process of regulation of borders between the Russian and Ottoman Empires in the first third of the XVIII century.

Keywords: Frontier, the Crimean khanate, Kuban, the Nogais, the Kalmyks, the Zaporozhian Cossacks.

В условиях современного развития гуманитарного знания исследование фронтірных пространств и разработка нового инструментария для их изучения позволили выйти на новый уровень понимания процессов, разворачивавшихся на степном пограничье Российской и Османской империй на протяжении XVIII в.¹ Особое место в этом тематическом комплексе занимает пограничье Крымского ханства, в его польском, запорожском, донском и кавказском сегментах, а также элиты Крымского ханства, входившие в то или иное взаимоотношение с элитами локальных обществ, находящихся по ту сторону границы.

Крымское ханство на протяжении веков оказывало мощное влияние на восточноевропейский регион, а порой даже и Османскую империю. В науке не прекращаются споры о самостоятельности внешней политики Крыма. Можно говорить о существовании здесь двух основных традиций. Первая восходит к трудам В.Д. Смирнова², утверждавшего о существовании полной зависимости Бахчисарая от Стамбула, другая — к исследованиям А.А. Новосельского, выделившего в политике ханства «две тенденции: одну — связанную с выполнением вассальных обязательств перед Портой, другую — вытекавшую из стремления крымских феодалов противопоставить себя Турции, стать на путь самостоятельной политики и даже борьбы с Османской империей»³.

Конструктивная дискуссия вокруг дилеммы о полу-самостоятельности или полной несамостоятельности Крымского ханства вряд ли возможна, поскольку в свете современных научных знаний отчетливо видно как плотное включение государства Гиреев в *Rax Ottomanica*, так и наличие центростремительного потенциала в Крыму, опирающегося на политическое наследие Чингизидов. Исследование механизмов реализации внутренней и внешней политики Крымского ханства невозможно без обращения к истории формирования его элит, оседавших не только в Крыму, но и на Кубани, этой важной и проблемной части владений Гиреев. Отдельные опыты обращения в этой проблематике уже имеются⁴, причем «крымским элитам» специалисты уделяли гораздо больше внимания. К изучению влияния региональных представителей фамилии Гиреев (в т. ч. и глав региональной власти — сераскеров) на политическую жизнь ханства ученые приступают лишь в последние годы⁵.

Между тем, именно эти представители династии Гиреев часто оказывались возмутителями спокойствия в ханстве, пытались самостоятельно вершить политику в регионе, позволяли себе не подчиняться приказам из Бахчисарая и периодически вступали в конфронтацию с правящими ханами. С одной стороны, такие конфликты порождали сложности внутриклановых отношений между Гиреями. С другой, в них втягивались новые актёры — Россия, Османская империя, Калмыцкое ханство, Кабарда, черкесы, казаки. Для всестороннего исследования процессов внутри- и внешнеполитического характера в Крыму необходимо, таким образом, изучать расстановку сил в ханстве, зачастую представлявшую собой более сложную конфигурацию, нежели противостояние в формате: правящие ханы — *versus* — *hjljdfz pyfnm* (Ширины etc). При этом сам В.Д. Смирнов писал о том, «что и без того сложные условия сохранения за собой власти... ханами еще более усложнялись такими неровными и фальшивыми отношениями их к подвластным им народам, обитавшим вне Крымского полуострова. А все вместе взятое — не вполне выясненные географические и политические отношения ханства к Порте, беспокойный и строптивый дух татарских мурз и вообще ногайского населения, ненадежность подданства черкесских племен — представляло мудреную задачу для хана, которому надо было согласовать все эти разнородные элементы, чтобы сохранить равновесие собственного положения»⁶.

При изучении политики Крымского ханства авторы считают возможным отказаться от взгляда, согласно которому ее главные характеристики почти неизбежно трактуются сквозь призму истории Османской империи. Такая точка зрения постоянно присутствует на страницах классической работы В.Д. Смирнова. Так, например, ученый утверждал: «Со смертью Селим-Герая хана (в 1704 г. — *Авт.*) можно считать окончившимся еще один период в истории... ханства. Целых два столетия прошли в жизни этого татарского государства совершенно даром (выделено нами. — *Авт.*): служа интересам ... Порты без видимой выгоды для своей собственной страны, вассальные ... ханы убивали все силы народа на непрерывные войны в политических видах Турции...»⁷. Напротив, в ханстве развивается искусство, архитектура, собственная практика историописания, а местные элиты испытывают воздействие не только мусульманской культуры Османской империи, но и модернизационных тенденций Западной Европы, в т. ч. Франции⁸. Остаются нерешенными в полной мере такие вопросы, как претензии Крыма на наследие Джучидов, конфессиональная политика Гиреев и судьбы христианства (старообрядчества) на территории ханства, история славян в Крыму и на Кубани, включая модернизацию взглядов ханов на «казачий вопрос» и казаков, как своих возможных подданных⁹. Не получили пока должного развития такие темы, как «женщины дома Гиреев»; история социэтнической группы хануко и связей Крымского ханства с Кавказом; наконец, «человека второго плана в истории» (к их числу мы относим султана Бахты-Гирея) и антропологического взгляда на феномен истории Крымского ханства.

Один из перспективных подходов, позволяющих учитывать логику поведения (в т. ч. субъективную логику) самых различных участников политических и иных процессов на территории Крымского ханства, — это ситуационный подход, предполагающий отказ от концентрации на каком-то одном участнике (династии Гиреев как абстрактной целостности) и смещение фокуса «с актёров (т. е. участников событий; не путать с иной семантику слова в украинском языке. — *Авт.*) как таковых именно на процесс их взаимодействия и выявления ... их поведения и реакций на обстоятельства и действия других актёров. Появляется возможность увидеть разные «правды» разных актёров и групп»¹⁰. «Кубанские Гиреи» и «Гиреи без трона» в этом отношении — замечательный объект для актуального исследования.

Не менее актуальная проблема истории Крымского ханства связана с изучением географии Большой границы («Великий кордон» украинской историографии) и фронтирных сообществ Восточной Европы. Исследование Большой границы сравнительно недавно стало находить очертания своей предметной области и выделило доступные (в виду наличной источниковой базы и актуализированного круга смежных вопросов) для проработки сегменты. Но даже фрагментарное освещение истории фронтирных образований дало основание для вполне убедительной констатации самостоятельной модели поведения их элит, имеющей внутреннюю логику и мотивацию, не всегда совпа-

дающую с логикой и мотивацией элит гинтерланда, т. е. территории, непосредственно контролируемой центральной властью, по отношению к которой фронтир выступал отдаленной и слабо управляемой периферией. Более того, возникли основания для утверждений о том, что фронтирные общества выступают не только объектом, находящимся в том или ином подчинении у центральной власти, но и субъектом, существенно корректирующим политику своего сюзерена.

В начале XVIII в. Россия и Османская империя предприняли первую попытку разграничения своих владений в северо-причерноморском и западно-кавказском регионах, а в соответствии с этим — провести четкое обозначение границ, обеспечить их неприкосновенность и привести поведение пограничных обществ в соответствие с новой моделью отношений между империями. Это явилось следствием изменения баланса сил в Центрально-Восточной Европе, обусловленного общим спадом военно-политической активности Османской империи, неуклонно падающим суверенитетом Речи Посполитой и усилением России. Изменилась пограничная политика Османской империи, произошел радикальный переход от освященной джихадом экспансии к оборонительной стратегии. Содержанием новой политики Порты стало строительство пограничных крепостей, переговорные процессы и четко установленные границы¹¹. После заключения Карловицкого мира 1699 г., санкционировавшего первые территориальные потери Турции, Крым оказался в большей зависимости от турецкой власти «в деле сохранения своей территориальной целостности, что дало Блистательной Порте большие возможности для вмешательства во внутренние дела ханства»¹². Рубеж XVII–XVIII вв. стал переломным этапом в истории Крымского ханства, временем тревожных перемен. Недаром крупнейший исследователь его истории В.Д. Смирнов увязал последнее правление прославившегося своими победами хана Селим-Гирея (1703–1704 гг.) с началом длительного упадка крымско-татарского государства¹³.

Порта все чаще смиряла «воинственные порывы» своих подданных; после Бахчисарайского договора (1681 г.) турки-османы оттеснили ханство от решения вопросов, связанных с Москвой¹⁴. Действия султанского Дивана по реализации Константинопольского договора 1700 г. (в числе прочих решений ограничивавшего татарские набеги на российские территории и ликвидировавшего «поминки») вызвали серьезные возражения в Крыму, выразившиеся в мятеже хана Девлет-Гирея II¹⁵, сосланного затем на о. Родос. На состояние непростых отношений между сюзереном и вассалом влияли и другие участники: например, Речь Посполитая в 1684 г. даже предложила Крыму отделиться от Порты¹⁶. Примерно в это же время Бахчисарай начинает терять свои позиции среди ногайцев Буджака и Аккермана, недовольных свертыванием набегов. Более того, как замечает С.Ф. Орешкова, «Правобережная Украина, фактически уступленная тогда Османской империи и Польшей, и Россией, была отдана в управление не крымскому хану, а молдавскому господарю»¹⁷. На наш взгляд, тенденция к усилению контроля Стамбула над Бахчисараем усугубилась в

начале XVIII в., когда, в связи с ростом могущества России, Восточная Европа стала занимать гораздо большее место во внешней политике Османской империи. Стремительное ослабление Польши лишало смысла дальнейшее сохранение стратегии выравнивания баланса сил, которой на протяжении нескольких столетий придерживалось Крымское ханство и Османская империя. Поэтому Порта отказалась от традиционного посредничества Крыма в восточноевропейских делах и начала напрямую взаимодействовать с крепнущим Российским государством, пытаясь поддерживать ослабевающий суверенитет Польши¹⁸.

Константинопольский мирный договор 1700 г. обозначил становление новой модели отношений России и Османской империи. Его 5-я статья засвидетельствовала стремление обеих сторон устранить напряженность в пограничной зоне, 8-я статья предусматривала наказания за «набеги и неприятельства», самовольно осуществленные подданными обеих держав. Решение пограничных споров вменялось в обязанность «на рубежах сущим губернаторам и крымским ханам и калгам и нарадынам и иным салтанам». Отдельно оговаривалось, чтобы «татарские народы и орды... Оттоманскому государству повиновались и покорялись сим статьям мирным, с совершенным и непопущенным хранением»¹⁹. Наряду с этим, аннулировались основания для притязаний Крымского ханства на суверенитет над русскими и украинскими землями, руководствуясь которыми, Крым требовал выплаты дани и осуществлял набеги. Порта, тем самым, вывела российские и польские дела из числа прерогатив крымских ханов и установила прямые (без крымского посредничества) отношения с русским и польским правительствами²⁰. Другим важным нововведением стала демаркация границы и ее обозначение «явными знаками». В октябре 1704 г. произошло разграничение земель в Прикубанье по р. Ея и в районе Азова; год спустя российско-турецкая комиссия проложила пограничную линию в среднем течении Южного Буга до правого берега Днепра, а также на левобережье Днепра²¹. Прямым следствием стабилизации границ стала фиксация подданства причерноморских и поволжских ногайцев. Кочевники были лишены возможности осуществлять самовольные миграции и спонтанно менять подданство; отныне обе империи обязались не принимать подданных одной из договорных сторон. На этом основании в 1701 г. украинский гетман И. Мазепа отказался содействовать в предоставлении русского подданства буджацким ногайцам, восставшим против Крыма. Мотивация была следующая: «у великого государя с султаном турецким и ханом крымским постановлен мир... и им (т. е. буджаковцам. — *Авт.*) следовало предлагать о подданстве в военное время»²².

Граница между Российским государством и Османской империей, представлявшая собой на протяжении предыдущих столетий многослойный, растянутый на сотни километров в ширину и населенный разноэтничным конгломератом буфер-фронт, в начале XVIII в. приобрела очертания линейности: четкую маркировку, упорядоченное подданство пограничного населения и

юридическую регламентацию его поведения, закрепленную как во внутренних актах обеих империй, так и в принятых ими договорных обязательствах по отношению к другим государствам. Тем самым, по терминологии Д. Замятина, происходит переструктурирование границ азиатского типа (понимаемое как большая барьерная территория, полоса между государствами, слагающаяся со сплетения разнородных, остаточных местных и региональных властных структур, огромная геополитическая чересполосица²³) в границы европейского типа, регулируемых международными нормативно-правовыми актами.

Именно в этот момент население степного порубежья, находящееся по обе стороны Большой границы, практически впервые осознало близость своих целей. Союзы фронтальных обществ распространяются на немыслимую ранее территорию. Возникают более чем ситуативные альянсы между аристократическими группировками Крымского и Калмыцкого ханств, родовой знатью ногайских орд и адыго-черкесскими потестарными образованиями, включавшими в свою орбиту казацьи сообщества — украинских гетманских, запорожских и некрасовских казаков, и даже такие далеко отстоящие от фронта политические формации, как польская группировка С. Лещинского и шведские войска Карла XII.

Авторы вписывают проблематику статьи в контекст еще одной важной проблемы — о механизмах управления «окраинными владениями» в Крымском ханстве²⁴. Речь идет о мало разработанной в науке проблеме — каким образом местные элиты влияли на межгосударственные отношения, в частности — на процесс управления Российской и Османской империями своими новыми границами. В научной литературе представлены отдельные попытки рассмотрения обозначенного круга вопросов, в частности об отношении крымских²⁵, калмыцких²⁶, ногайских²⁷ элит, запорожских²⁸ и гетманских казаков к стабилизации русско-турецкой границы. Интересы этих столь разнородных сил совпали, как минимум, в одном очень конкретном пункте: в их общей обеспеченности усилением российской экспансии, охватившей, в частности, степную периферию. Кроме того, фронтальные общества не могли согласиться с намерением Османов оградиться стабильной границей от европейских соседей и сосредоточиться на решении внутренних проблем своего пораженного кризисом государства. Но при этом остается почти неисследованным вопрос о месте в этой сложной комбинации кубанского султана Бахты-Гирея, игравшего в ней далеко не последнюю роль. В данной статье авторы видят своей задачей освещение этой малоизученной проблемы, концентрируя внимание на выяснении масштабов, ресурсов, социальной базы и мотивации деятельности названного представителя династии Гиреев.

Бахты-Гирей упоминается в большинстве крупных исследований по истории Крымского ханства XVIII в.²⁹ Но зачастую он рассматривается как мятежник, который своей якобы хаотической активностью создавал неудобства для своих сюзеренов, пользуясь удаленностью кубанского региона от Стамбула и Бахчисарая. Пока недоказанным, хотя заслуживающим отдельного изучения,

является вопрос о претензиях Бахты-Гирея на ханский престол³⁰. Отсутствие должного внимания большинства специалистов к причинам, вызвавшим усиление Бахты-Гирея, породило, среди прочего, путаницу в определении его статуса — ученые называют его то нурадыном (нуреддин), то сераскером³¹. Заслуживает внимания вывод О.Г. Санина, который пишет, что вокруг Бахты-Гирея группировались многие татарские мурзы, сторонники разрыва мирных отношений с Россией и продолжения политики военных набегов³². Можно согласиться с новаторским суждением В.В. Батырова о том, что при рассмотрении личности Бахты-Гирея и создаваемых им политических «альянсов» необходимо учитывать значение символических оценок этого человека, даваемых ему современниками. А они порой были весьма высоки, например, со стороны калмыков³³.

Достаточно даже беглого ознакомления с источниками, чтобы убедиться, насколько сильно влиял Бахты-Гирей на отношения России и Османской империи во втором и третьем десятилетиях XVIII в.; то или иное действие, предпринятое им, имело для обеих империй непредсказуемые, часто — нежелательные последствия, которые могли возникнуть на любом участке границ — от Северного Кавказа до центральных районов Украины. Комплекс мер, предпринимаемых российским правительством для противодействия Бахты-Гирею, охватывал все порубежье — от Киевской до Астраханской губерний. Точно также Стамбул и Бахчисарай блокировали активизацию деятельности Бахты-Гирея как непосредственно на Прикубанье, так и в отдаленном от этого региона Буджаке. Россия и Османская империя обнаружили общую заинтересованность в нейтрализации кубанского «смутьяна». Выступив как дестабилизатор ситуации на северокавказском порубежье (или территории Кавказского узла — по терминологии А. Рибера³⁴), этот представитель династии Гиреев был крайне опасен как самостоятельный игрок, выдвинувшийся на волне созревшего в Крымском ханстве недовольства стабилизацией русско-турецкой границы. Бахты-Гирей выстраивал свою систему сдержек и противовесов среди фронтирных элит, мало соотнося свои действия с целями османских и крымских правителей.

Османские султаны в целом были последовательны в выполнении взятых на себя обязательств запретить татарские набеги на российские владения и обязывали крымских ханов наказывать своих подданных за попытки их продолжения. Но одних лишь султанских запретов и дипломатических демаршей русского правительства было недостаточно для демонтажа многовековой практики, существовавшей на степном порубежье. Империи начинают договариваться с фронтирными элитами. Весной 1706 г. в Азове состоялась комиссия по рассмотрению вопроса о нападениях кубанских ногайцев на российские территории³⁵. В апреле того же года в османской крепости Ачувев российские представители во главе с К. Рудеевым подписали соглашение с ачувевским пашей и кубанскими мурзами о прекращении набегов. Примечательной деталью этого соглашения было требование, предусматривавшее компенсацию,

которую должна выплатить виновная сторона за каждого взятого пленного (ясыря) или угнанную лошадь и т. п. в 20-кратном размере³⁶. Но население степного порубежья, естественно, не могло перестроиться столь решительными темпами, как того требовали империи. Зрело недовольство действиями российского правительства на Запорожье и на Дону; соответственно, новый курс Порты вызвал неприятие у османских и крымских подданных, которые так или иначе были причастны к набегам и работоторговле, начиная от ногайцев, крымских мурз и заканчивая турецкими янычарами.

Противодействие попыткам межевания границ было заметно еще при подписании Бахчисарайского договора 1681 г. с Россией, когда отказались от шерти крымские карачи-беи³⁷. После заключения Константинопольского мира 1700 г. наиболее непримиримыми противниками демаркации границ выступили запорожские казаки, крымские татары, ногайцы и даже турецкие янычары, также вовлеченные в наезднические предприятия. Крымско-татарские и ногайские мурзы постоянно требовали от хана санкции на продолжение набегов, тот был вынужден с подобной просьбой обращаться к султану, мотивируя тем, что невозможно «прокормить» подвластные орды без грабежа северных соседей, на что, естественно, получал отказ. Между Запорожской Сечью и Бахчисараем наметилось сближение. В 1703 г. царь Петр I требовал, чтобы в комиссию по размежеванию границ не допускались крымские татары и ногайцы, чтобы они, сговорившись с запорожцами, не сорвали весь ход разграничения³⁸. В итоге демаркация границ в Северном Причерноморье произошла только в октябре 1705 г., тогда как со стороны Кубани и Азова (в силу меньшего противодействия) граница была обозначена годом раньше³⁹.

Возникновение линейных границ бросало вызов всему традиционному укладу, комплексу связей и отношений, издавна существовавших на степном порубежье. Задекларированная Портой новая модель отношений с христианскими державами вызвала серьезные возражения в Крыму⁴⁰. В период с 1708 по 1713 гг. во главе крымской фронды находился хан Девлет-Гирей, который добивался от Стамбула разрешения продолжить набег на российские территории и, в конце концов, приложил максимум усилий к объявлению Портой войны России в 1710 г.⁴¹ Конечно же, этот хан во многом действовал с оглядкой на интересы крымской знати. Противодействие Ширинов, Сулешовых, Мансуров могло простираться вплоть до свержения тех ханов, которые были слишком ретивыми исполнителями воли турецкого султана. Так случилось в 1724 г., когда крымские беи и мурзы во главе с Джан-Темиром Ширинским подняли мятеж, свергли хана Сеадет-Гирея III и избрали на престол брата Девлета — Каплан-Гирея⁴². Хан Девлет-Гирей стал едва ли не главным координатором действий разнородных антироссийских сил, оказавшихся после разгрома в Полтавской битве в причерноморских владениях Османов и сосредоточившихся возле Бендер. Примечательно, что во время избрания гетманом Украины в изгнании П. Орлика (5 апреля 1710 г.) в Бендерах находился сын Девлета — Бахты-Гирей, в то время сераскер-султан Кубанской орды. К тому

же атаман И. Некрасов, выведший после поражения восстания К. Булавина часть донских казаков на Кубань под власть Крыма⁴³, отправил в Бендеры к Бахты-Гирею своего сына для поздравления Орлика⁴⁴.

Недовольство населения фронта навязанным извне регламентом, серия восстаний ногайцев и крымских татар, переход запорожцев в крымское подданство, а главное — чрезмерное усиление России, нанесшей поражение шведским и украинским войскам под Полтавой, явились совокупностью факторов, которые (среди прочих причин) вынудили Стамбул временно отказаться от политики стабилизации границ и объявить войну Москве. Под нажимом Девлет-Гирея турецкий султан санкционировал зимний поход 1711 г. в Украину. Состав участников этого похода⁴⁵ демонстрирует широкий спектр мотиваций, сфокусировавшихся в одной общей задаче — вернуть status quo, существовавший до Полтавской битвы. Было бы неверным полагать, что элиты фронтальных обществ и обыгрывающий их запросы хан Девлет-Гирей, в отличие от шведов, поляков и сторонников Мазепы, вообще не имели политических целей, а только довольствовались возможностью в очередной раз поживиться за счет земледельческих районов Украины. В отношении Степи экспансия России осуществлялась посредством создания «засечных черт», крепостей, впоследствии — укрепленных линий, что очень хорошо понимали в Крыму уже в XVI в. Поэтому главной задачей Девлет-Гирея было уничтожение российских крепостей, находящихся вблизи от степного порубежья, а также воронежских верфей, поскольку строящиеся на них и спускающиеся по Дону корабли создавали непосредственную угрозу безопасности Крыма. Исход зимней кампании 1711 г. известен: основные цели организаторов похода не были достигнуты, большинство российских пограничных крепостей выдержали приступ, а ногайцы и крымские татары ограничились заурядным грабежом и опустошением Правобережной Украины⁴⁶. Безуспешным был и поход в Слободскую Украину: кубанские войска Бахты-Гирея, которые следовали для соединения с Девлет-Гиреем, были задержаны калмыцким ханом Аюкой⁴⁷, из-за чего Девлет-Гирей, достигнув Харькова, был вынужден, избегая столкновения с крупными силами русских, повернуть назад.

Позиции Девлет-Гирея пошатнулись. И произошло это не потому, что поход оказался неудачным, а дальнейшие действия крымских войск против российской армии малоэффективными, но скорее из-за желания Порты вернуться к политике мирных отношений с Россией и изоляции от европейских дел. Но, как оказалось, вопреки эпатажным выходкам и символическим демонстрациям⁴⁸, Девлет-Гирей не был принципиальным противником России. Предвидя скорое смещение с ханского престола, в начале 1712 г. он послал в Петербург своего конфиденциального представителя, который назвался ротмистром волошским Александром Давыденко. Ему было поручено объявить о том, что «хан сам хочет быти в подданстве у его царского величества, и орды Крымская и Белогороцкая будут с ним». А причина такого намерения, мол, исходила из того, что «их (т. е. ханов. — *Авт.*) часто салтан переменяет и

туркам головы всегда рубят, чего и он боится»⁴⁹. Однако зондирование возможности перехода под российский протекторат не имело для Девлет-Гирея желаемых последствий: российское правительство не предоставило ему никаких гарантий; в 1713 г. он был смещен.

Неудачный для России Прутский поход Петра I не изменил наметившейся тенденции стабилизации границ в Северном Причерноморье. Прутский мирный договор 1711 г., несмотря на территориальные потери России, подтвердил основные принципы Константинопольского мира в вопросах демаркации границы, фиксации подданства пограничного населения, запрета подданным обеих держав, в частности «народам татарским», грабить порубежье⁵⁰. Охваченная внутренним кризисом и янычарскими мятежами, Османская империя нуждалась в стабильных границах, будучи не в состоянии продолжать экспансию в европейском направлении. Хан Каплан-Гирей (1713–1716), возведенный после смещения Девлета на крымский престол, особое внимание уделял тому, чтобы устранить напряженность на границах с Россией и Речью Посполитой⁵¹, и попытался переориентировать неизбежно выплескиваемую наездническую энергию своих подданных на подчинение адыгских народов Северного Кавказа. В русле этой политики кубанский регион попадает в совершенно иной контекст по отношению к Северному Причерноморью, где процесс становления линейных границ получил более-менее четкие основания.

Прикубанье в первое десятилетие XVIII в. практически оставалось на периферии процессов стабилизации границы. Работа российско-турецкой комиссии по разграничению владений обеих империй проходила с меньшим противодействием местного населения, чем, как мы указывали выше, в случае с Запорожьем. Впрочем, здесь противодействие имело и меньший смысл. Кубанская орда, традиционно выступая в качестве буфера, отделявшего Крым от подчиненного России Калмыцкого ханства, находилась в номинальном подчинении у крымского хана и слабо контролировалась его сераскер-султаном. Управлять ситуацией в этом отдаленном от Крыма регионе (учитывая менее развитую систему коммуникаций, нежели в северо-причерноморских степях) можно было не иначе, как используя традиционный способ поддержания авторитета верховной власти в кочевнических сообществах — посредством проведения масштабных и успешных набегов. Кстати, это испытанное средство в очередной раз использовал Хаджи Селим-Гирей во время своего последнего пребывания на ханском престоле (1703–1704 гг.): он организовал набег на Царицын, Пензу, Симбирск и Саратов. Причем калмыки, обязавшиеся перед русским правительством охранять степное порубежье, не оказали кубанцам существенного противодействия⁵². Несмотря на запреты и угрозы ханского двора, кубанские кочевники продолжали осуществлять набеги на русские окраины. Впрочем, сменяющие один другого крымские ханы, рискуя окончательно потерять управление отдаленными территориями, не проявляли особой настойчивости в сдерживании своих воинственных подданных. Попытки крымских чиновников найти виновных в осуществлении

кубанцами набегов на российские владения зачастую просто имитировались. Работа пограничной комиссии, проводившейся весной 1706 г. в Азове и Ачуеве, оказалась безрезультатной по понятным причинам, а именно — из-за отсутствия заинтересованности ханских властей обострять отношения с кубанскими элитами. Заключенное во время комиссии соглашение не действовало. Летом 1706 г. кубанцы напали на Азов, разграбили близлежащие донские городки и опустошили калмыцкие улусы. Российское правительство отреагировало на это требованием немедленного исполнения Портой взятых на себя договорных обязательств и возмещения убытка. Нужно отметить, что это требование возымело действие: в сентябре следующего года в Азов снова прибыли турецкие и крымские представители, доставив 129 пленных и 62 лошади. Но, в свою очередь, Порта имела все основания требовать от России возмещения ущерба своим подданным, причиненного нападениями донских казаков и калмыков, уведших у крымцев больше 12 тыс. лошадей и взявших в плен 146 чел.⁵³. Таким образом, претензии российского правительства могли очень легко блокироваться аналогичными аргументами крымских и турецких властей.

Итак, кубанцы почти беспрепятственно продолжали набеги на российские территории, а с другой стороны, между Кубанской ордой, Войском Донским и Калмыцким ханством оставалась в действии традиционная для фронта система отношений. Причем Калмыкия так же слабо контролировалась российским правительством, как и Кубань ханской администрацией. Как заметил В.Т. Тепкеев, «если отношения Калмыцкого ханства с Крымом были мирными, то это было не всегда так и в отношении Кубани»⁵⁴. На протяжении всей первой трети XVIII в. на Северо-Западном Кавказе неизменно продолжала существовать обширная фронтальная зона.

В ходе военных действий 1711 г. российское правительство задалось целью полного уничтожения Кубанской орды, пользуясь тем, что основная часть ее боеспособного населения принимала участие в Прутской кампании⁵⁵. В конце августа — в начале сентября команда российских войск и 20 тыс. калмыков под началом астраханского губернатора П.М. Апраксина нанесла сокрушительный удар по кубанцам⁵⁶. Существенное содействие русским оказали кабардинцы, разгромившие отряды нурадын-султана и не допустившие присоединения к кубанцам других ногайцев, кочевавших в верховьях Кубани⁵⁷. Бахты-Гирей, возглавив тогда объединенные силы кубанцев, потерпел сокрушительное поражение при р. Чале (в 50 верстах от р. Кубани) в сентябре 1711 г. Русско-калмыцкие войска методично уничтожали ногайские улусы на Кубани «для самага [их] оскудения»; более 16 тыс. кубанских ногайцев было убито и около 22 тыс. взято в плен калмыками. Кроме того, военная добыча калмыков составила 2 тыс. голов верблюдов, 40 тыс. лошадей, почти 200 тыс. голов крупного рогатого скота⁵⁸. Таким образом, в результате похода П.М. Апраксина Прикубанье превратилось в опустошенный регион.

После смещения в 1713 г. с ханского престола своего отца, Девлет-Гирея, Бахты-Гирей, как свидетельствуют кабардинские источники, «на Кубани сал-

таном учинился собою»⁵⁹, т. е. без назначения на сераскерскую должность новым крымским ханом. С этого момента начинается его самостоятельная деятельность в крае, непредсказуемость которой дала основания называть его Дели-султаном. Это прозвище европейские исследователи склонны переводить, как «бешенный, безумный султан»⁶⁰, хотя, по всей видимости, его современники — крымские татары, ногайцы, калмыки и др. — вкладывали в него совершенно другой смысл. Например, Халим-Гирей в своей летописи «Розовый куст ханов», говорит о «Бахт Гирее» как о прославившемся в народе под прозвищем «Джихан Дели» и тут же обозначает царя Петра I как Дели Петро (в переводе на русский язык К. Усеинова — «шаловой Петр») ⁶¹. К тому же, таким же «шаловым» («дели») назван хан Крым-Гирей (1758–1764, 1768–1769)⁶². Халим-Гирей проясняет вопрос о статусе Бахты-Гирея: он был старшим сыном Девлет-Гирея; после того, как его отец вторично занял престол (февраль-март 1709 г.), Бахты-Гирей был назначен нурадыном, а после конфликта Девлета со своим калгой Саадет-Гиреем, последний был смещен, а Бахты стал калгой-султаном⁶³. В.Д. Смирнов, как нам представляется, наиболее правильно реконструирует общую канву событий — в 1713 г., после смещения с престола своего отца, Бахты-Гирей удалился в Черкесию, куда к нему вскоре через «Таманский перевоз» попал «прежний нур-эд-дин Бегадыр-Герай»⁶⁴.

Снова оказавшись на Северо-Западном Кавказе, Бахты-Гирей в первую очередь добивался подчинения кубанских ногайцев. Не будучи сдержанным какими-либо обязательствами — ни в отношении Бахчисарая, ни Стамбула, он начинает действовать по собственному усмотрению, стараясь максимально увеличить свое влияние в регионе. Мы не имеем достаточных оснований для того, чтобы определить его деятельность как сепаратизм по отношению к Крымскому ханству: отделение Кубани от власти Бахчисарая никогда не было заявлено им, как определенная цель. Нам известен лишь один случай, когда во время усобицы, возникшей в Калмыкии после смерти хана Аюки, Бахты-Гирей предлагал калмыцким тайшам выйти из подчинения России и перейти на Северный Кавказ, где совместно с ногайцами и кабардинцами создать «некое государство»⁶⁵. Но этот проект был скорее ситуативной комбинацией, чем последовательно реализуемой программой деятельности. Вероятно, Бахты-Гирей не оставлял надежду на то, что при благоприятном стечении обстоятельств сможет занять ханский престол в Крыму, используя при этом свое влияние на Кубани. Пребывание в статусе нурадина и, возможно, калги формально давало ему на это право. Отметим, что четыре десятилетия спустя реализацию подобного сценария продемонстрировал Крым-Гирей: в 1758 г. он воспользовался восстанием ногайцев, которые избрали его ханом; тем самым, он вынудил Порту санкционировать свое «самовластное» восшествие на крымский престол⁶⁶.

Бахты-Гирей разграбил улусы кубанских мурз, которые заявили о лояльности к правящему хану Каплан-Гирею (1713–1716 гг.), и начал истребление знати родовых ответвлений кубанских ногайцев — касай-улу и каспулат-улу.

Поддержку Бахты-Гирею составили ногайские поколения Орак-оглу во главе с мурзами Арслан-беем (бием), Юсуфом и Сумахом⁶⁷. Следующей задачей была необходимость увеличить количество населения Прикубанья, опустошенного походом П.М. Апраксина. Бахты-Гирей попытался решить такую проблему путем насильственного переселения ногайцев с калмыцких и российских территорий. С 1713 г. начинается серия кровопролитных столкновений отрядов Бахты-Гирея с калмыками⁶⁸. В начале 1715 г. он совершил набег в калмыцкие кочевья под Астраханью, разгромил войска хана Аюки, который потерял убитыми больше 3 тыс. чел., и разграбил его ставку⁶⁹. Из Калмыкии были выведены 1220 кибиток юртовских татар, а также других ногайцев, кочевавших в низовьях Волги; на Кубань переведены улусы Эль-мурзы и Султан-Мамбет-мурзы Тинбаевых в количестве около 1 тыс. кибиток. Из Аюкиных владений были выведены все едисанцы и джембуйлуковцы в количестве 10300 кибиток⁷⁰. Таким образом, «улус» Бахты-Гирея на Кубани увеличился более чем на 60 тыс. человек. Активные действия султана все серьезнее беспокоят Россию; недаром после известного разгрома калмыков хан Аюка, обер-комендант Астрахани М.И. Чириков и кн. А. Бекович-Черкасский направили на Кубань калмыцких владельцев с дворянином К. Ворониным. В результате непростых переговоров с Бахты-Гиреем посланцы «мирное постановление учинили и Коран меж себя целовали в том, чтоб оному Бахты-Гирею Салтану от них калмык отъехав и впредь войны не чинить»⁷¹.

Взаимоотношения Бахты-Гирея с калмыками складывались под влиянием междоусобной борьбы, созревавшей в Калмыцком ханстве. Престарелый хан Аюка с трудом удерживал контроль в Калмыкии. Но и Бахты-Гирей также находился в весьма затруднительном положении. В 1716 г. часть едисанцев и джембуйлуковцев захватили кабардинцы и передали их калмыкам⁷². В то же время против Бахты-Гирея выступил крымский калга Менгли Гирей-султан, к которому присоединились китаи-кипчакские мурзы⁷³. В свою очередь, их поддержали проживающие на Кубани казаки-некрасовцы, также недовольные самовластием Дели-султана⁷⁴. Скорее всего, к организации вооруженного восстания китаи-кипчаков против Дели-султана оказался причастен хан Каплан-Гирей, явно обеспокоенный амбициями своего племянника⁷⁵. Во время вооруженных столкновений калге удалось перевести часть едисанцев и джембуйлуковцев «в самой Крым и к Днепру»⁷⁶. В.Д. Смирнов явно переоценил степень успеха миссии Менгли-Гирея, когда писал, что калге удалось «переловить бунтовщиков и убийц и учинить над ними расправу»⁷⁷. Тогда Бахты-Гирей заключает соглашение с Аюкой, пообещав ему вернуть едисанцев и джембуйлуковцев в обмен на помощь в борьбе с китаи-кипчаками. В начале 1717 г. сын Аюки, Чакдоржап, двинулся на Кубань, разгромил китаи-кипчакские улусы и, согласно договоренности, вывел с Кубани едисанцев и джембуйлуковцев⁷⁸. Кроме них Бахты-Гирей передал Чакдоржапу «также и некрасовских всех казаков з женами и з детми... Толко-де он сам, Некрасов, с легкими людьми с сорокью ушел горы»⁷⁹. Чакдоржап послал в погоню за ним

двух своих сыновей «да Назарова сына Доржю». Чакдоржапа, видимо, устраивала перспектива политического сотрудничества с Бахты-Гиреем, возможно, этим был продиктован его отказ на предложение кабардинцев напасть на Дели-султана⁸⁰. Кроме того, он оставил Бахты-Гирею 170 калмыков, которые оказали ему содействие в проведении масштабного набега на Пензенский и Симбирский уезды. Сам же Аюка, также связанный тайным уговором, не оказал ему ни малейшего противодействия⁸¹. Отписки казанского губернатора П.С. Салтыкова Петру I от 14 февраля 1717 г. (по сведениям астраханского обер-коменданта Чирикова от 12 февраля того же года) позволяют уточнить, что Чакдоржап лично виделся с Бахты-Гиреем «по сю сторону Кубани в урочище Кубанском городке Мажоре»⁸².

Нельзя согласиться с мнением В.Т. Тепкеева о том, что активизация деятельности Бахты-Гирея на Кубани «заставила калмыков искать более тесные связи с Россией»⁸³. Уже рассмотренные выше события вынуждают нас к обратному выводу. По сути дела, Аюка и Чакдоржап вели в отношении своего российского сюзерена двойную дипломатию. С одной стороны, в условиях созревания нового витка усобиц в Калмыцком ханстве стареющему Аюке поддержка России была более чем желательна. С другой стороны, «ничейное» подданство Бахты-Гирея было отличным прикрытием для продолжения набегов на российские окраины, которые и в начале XVIII в. оставались обычной практикой калмыцкой аристократии. К тому же примирение с Бахты-Гиреем не давало возможности противникам усиления ханской власти в Калмыкии использовать его в своих интересах. Не лишен был двойных стандартов и сам Бахты-Гирей; русское правительство допускало мысль о возможности его перехода в царское подданство. Обер-коменданту Астрахани был послан указ, предусматривавший в случае, если Дели-султан пожелает быть под рукой Петра I и кочевать близ Астрахани, обходиться с ним ласково⁸⁴.

Мощный набег войск Бахты-Гирея на Воронежскую, Казанскую и Нижегородскую губернии состоялся летом 1717 г. Из донесения Петра Салтыкова от 8 августа 1717 г. известно, что Бахты-Гирей со своим братом и тремя султанами, «в собрании их и с вором бунтовщиком Некрасовым не дошед Царицына», остановились верстах в трех у речки Елшайки⁸⁵. Другой источник, впрочем, свидетельствует, что в походе участвовали братья Бахты-Гирея — Аджи-Гирей, Белги-Гирей и Инам-Гирей⁸⁶. Состав участников похода Бахты-Гирея был крайне пестрым: «тех кубанцев в собрание многое множество, также-де есть с ними и русские. И от тех неприятельских людей в Нижнем Ломове собрався, грацкие и уездные люди сидят в осаде»⁸⁷. В войске, помимо этого, были представлены бешлеи, присланные азовским пашой, калмыки хана Аюки, а также «вор и бунтовщик» Игнат Некрасов⁸⁸. Последний убеждал Бахты-Гирея в том, чтобы идти на Царицын, другие участники набега настаивали, чтоб было избрано направление «для разорения сел и деревень вверх...», а также на Пензу и Тамбов. Из грамоты Петра I на Дон от 3 сентября 1717 г. становится известно, что, согласно известий из российских губерний,

Бахты-Гирей собрался с «другими солтаны тысяч в пятнадцати, и с ними же турки и азовские бешлей-черкасы и изменник Игошка Некрасов с воровским казаки пришли по оные губернии (Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую. — *Авт.*), в розных уездах села и деревни жгут и разоряют, а людей бьют и в полон берут»⁸⁹. Подчеркнем, что, хотя татарские набеги и были весьма обыденным явлением российской действительности еще и в середине XVIII в., этот набег помнили долго. Так, в частности, в 1736 г., при составлении росписи набегов татар, турок и «других народов» на российские земли, в письме вице-канцлера А.И. Остермана великому визирю речь зашла и о набеге Бахты-Гирея, который многие города «до основания разорил... и землям... на многие миллионы убытку приключил»⁹⁰.

Не приходится сомневаться в хорошей организации этого нападения. Впереди войска кубанцы «посылали шпионов, которые и сообщали им о состоянии тех мест, куда потом следовало направиться для грабежа». Российская сторона оказалась явно не готовой к отражению набега, несмотря на то, что еще в июле 1717 г. царицынский комендант Беклемишев предупредил казанского губернатора П. Салтыкова о намерении кубанцев идти «под государевы города вплоть до Симбирска». Но в итоге набег оказался полной неожиданностью для местных властей, которые не предприняли никаких мер предосторожности или защиты. Весьма показательное происхождение одного из шпионов Бахты-Гирея — М. Афанасьева, проводившего войска султана известными только ему дорогами между Доном и Волгой. Сам он бывший рекрут, бежавший с двумя товарищами в Астрахань, а оттуда на Кубань «для воровства»⁹¹.

Российское правительство, давно уже не сталкивавшееся со столь крупным по масштабу разрушений набегом, сделало надлежащие выводы. Когда группировка Бахты-Гирея, отягощенная добычей, направлялась на Кубань, её между Волгой и Доном, в урочище на р. «Бедерле» (точнее, Бердии, притоке Иловли) настигли донские казаки, руководимые В. Фроловым. 11 августа 1717 г. (имеется и другая дата — 19 августа, что наиболее вероятно) произошла ожесточенная битва, в ходе которой, по разным данным, удалось отбить от 1000 до 1500 российских пленных, уничтожив до 500 кубанцев⁹². Среди кубанцев, сообщали донцы, было 200 некрасовцев, 200 калмыков хана Аюки, азовские «бешлей». Содействие донцам в разгроме Бахты-Гирея оказали войска из Воронежской губернии и слободских полков (Изюмского, Харьковского, Острогожского, по половине состава каждого их этих полков), а также отряды из стоящих там армейских драгунских полков⁹³. Битва длилась до полудня, «оных неприятелей многое число они Войском Донским побиили до смерти и отбили у них русского полону разных городов мужеска и женска полу, старых и средних и молодых, младенцов с тысячу человек»⁹⁴. Событиям набега и разгрому Бахты-Гирея в урочище на р. Бердии посвящена царская грамота на Дон от 3 сентября 1717 г. — Войско Донское «похвалялось» за разгром противника⁹⁵. А 16 ноября того же года, обращаясь к донским казакам в новой

грамоте, Петр I хотя и повторяет похвальные слова, но расставляет акценты по-новому — казакам надлежит иметь крепкую «осторожность» от неприятелей. В особой готовности донцам следовало быть в связи с приготовлениями всё того же Бахты-Гирея напасть на российские города, а возможно, предупредил царь, и на казачьи городки⁹⁶.

Естественно, Бахты-Гирей ходил под «российские города без повеления салтана турецкого», не послушав также «отвратного повеления» азовского паши. Его самостоятельность и самоуправство, дестабилизировавшие границы Османской империи и России, не могло не раздражать Порту. Еще в начале 1717 г., назначая в Крым нового хана Сеадет-Гирея, Порты велела ему положить конец действиям Дели-султана, на которого жаловался российский посол⁹⁷. Но в то же время, Дели-султан был очень привлекательной фигурой для тех политических сил Крымского ханства (собственно и не только Крыма), которые противодействовали столь убыточному для них процессу стабилизации границ. Вот почему в составе участников, кроме ногайцев Кубани, находились еще калмыки, пребывающие под российским протекторатом, беглые из России, а также бешлеи из турецких крепостей. Тем не менее, несмотря на то, что Бахты-Гирей оставался «человеком без подданства» («казаком», как говорили в тюркском мире XVI в.), российское правительство не остановилось перед вынесением ноты протеста Турции. Из некоторых официальных документов следует, что Петр I приказал «послать к салтану турецкому об учиненном сего 1717 году впадении в земли его... кубанского Бахти-Гирея Дели-Салтана с кубанцы и некрасовцы и другими людьми и о причиненном от них подданным его Царского Величества разорении и гибели с требованием о надлежащей сатисфакции»⁹⁸. Для этого царь приказал организовать сбор сведений канцелярией Сената для отправки в Посольскую канцелярию. Сведения были собраны, например, по доношениям из Воронежской, Казанской и других губерний⁹⁹.

Поражение не остановило Дели-султана. 30 октября 1717 г. появляется сообщение о подготовке Бахты-Гиреем очередного набега на донские городки — «мстя за то, что вы (донцы. — *Авт.*) в нынешнем его приходе ходили на него войною и с ним бились и на бою убили брата его родного»¹⁰⁰. Бежавшие в октябре 1717 г. из Азова на Дон два «бешлей-татарина» рассказали о том, что Бахты-Гирей «велит лошадей кормных беречь и татар никуда не распускает и хочет-де подозвать с собою темиргорских и бестенейских (темиргеовцев и бесленеевцев. — *Авт.*) черкес и воров некрасовцов казаков и кубанских всех татар и, взяв с собою пушек, первым зимним путем иттить под Черкасской и под верховые их... городки всеконечно для разорения»¹⁰¹. Исходя из этих сообщений, Петр I распорядился принять меры к предотвращению очередного вторжения, приказав «бригадиру... Гаврилу Кропотову с 4 драгунскими полками для охранения от впадения их, кубанцов, идти за Пензу и вам, Войску Донскому, послать к нему... добрых... казаков 500..., а самим вам всем войском быть во всякой готовности и смотреть и разведывать, что ежели... тот... Бахты-

Гирей-Дели салтан с кубанцы намерены будут впадение чинить... и вам их... до того не допускать»¹⁰².

О том, что этот набег все же состоялся, узнаем из письма на Дон от 13 марта 1718 г. хана Саадет-Гирея¹⁰³. Хан имел все основания для выражения своего недовольства действиями непокорного султана; он пишет о Бахты-Гирее как об изменнике, «который изменил ему и [турецкому] султану и самовольно чинит набеги и... ныне как оной под вашим городом Черкасским быв, напал (25 января 1718 г. — *Авт.*), и ясырей ваших и богаж ваш, взяв, прибыл, о том мы известились недавно»¹⁰⁴. Далее хан сообщал о запрете всем своим подданным воспользоваться взятой добычей — «и от вас взятые вещи, богаж и ясыри паки назад возвратить»¹⁰⁵.

В Государственном архиве Ростовской области нам удалось обнаружить известия о подробностях этого нападения¹⁰⁶. Как оказалось, Бахты-Гирей напал на Черкасский городок за два часа до рассвета (в том же документе он опять фигурирует, как «Дели-салтан», что само по себе примечательно). Состав «кубанской орды» насчитывал тогда 10 тыс. человек, предводитель которых под Черкасском «за протокою пустил пожар, и приступал неприятельски, и мыслил, как бы взять ему Черкасской». Донцы упорно оборонялись, отстреливаясь из пушек и «мелкого ружья». Столица Войска Донского выстояла, но кубанцы все же сильно ограбили прилегающие территории.

Обратим внимание, что Бахты-Гирей, действуя на обширном пространстве Причерноморья и Кавказа, пытается искать союзников не только в ногайцах и калмыках. Несомненно, что в многоугольнике его военно-политических амбиций и интересов находилась и Кабарда, о чем подробнее речь пойдет ниже. Пока же отметим, что действия султана вызывали активную реакцию со стороны кабардинских элит, встревоженных тем, чтобы Россия не обвинила их в сношениях с Дели-султаном. Так, в письме кн. А. Мисостова от 5 декабря 1718 г. Петру I указано, что «в нынешнем году Бахты-Гирей нас к себе призывал для набегов в российские государства, и мы ему в том отказали и сказали, что мы вам, великому государю, поддались и ему служим и не нарушим слов своих и шерта. И он нам грозил и сказал, как де ваших государевых людей будут разорять и похищать, потом и вас будут разорять, и увижу от кого вам споможение будет. И мы, надеясь на вас, великого государя, ответствовали ему, что дай бог вам, великому государю, здравствовать, и от вас никогда не опасаемся»¹⁰⁷. Князья также заявляли, что никто из кабардинцев не стал участвовать в набеггах, организованных Бахты-Гиреем. Более того, о том, какое значение придавали князья нейтрализации султана, говорит тот факт, что, прослышав о готовящемся нападении его войск на Черкасск, они «намерены были и желали на него, Бахты-Гирея, и на войско ево, и на юрты напасть и по возможности разорить, жен и детей пленить»¹⁰⁸. Обращает на себя внимание и та активность, с которой кабардинцы, преследуя свои интересы, пытались вбить клин в альянс Чакдоржапа с Бахты-Гиреем, предлагая молодому лидеру калмыков вместе с ними напасть на кубанцев в начале 1718 г. Красноречивое

молчание Чакдоржапа при соответствующей встрече с Ислам-беком Мисос-товым, считаем, говорит само за себя¹⁰⁹. Западная Черкесия также не осталась вне зоны контактов Бахты-Гирея с «черкесским миром», хотя, как можно полагать, крутой нрав султана и там вызывал недовольство и даже страх. Недаром, предполагая поимку Дели-султана, кабардинские князья сообщали, что черкесы, живущие «в Хатукае да в Жаду», которым Бахты-Гирей «отчасти верит», сообщали, что «ежели он, Бахты-Гирей, к ним приедет, чтоб его поймали или им, черкесским князьям, ведомость подали. И когда то учинится, в таком случае могут (в тексте «мугут». — *Авт.*) они, князи черкаские, в том его царскому величеству службу свою показать и его, Бахты-Гирея, поймать»¹¹⁰. Таким образом, еще в 1718 г. могла быть проведена операция по поимке Бахты-Гирея, причем, ее возможные участники — кабардинские князья — четко представляли себе ценность такого пленника для Российской короны. Не понаслышке знали о Бахты-Гирее и на Восточном Кавказе — в Эндери, правители которого также пытались привлечь его к выяснению «межродственных» отношений¹¹¹. А в 1719 г. кабардинским князьям через их посланца к царю Петру I Султан-Алия было передано, чтобы они «ни по каким перезывам и обещаниям вора Бахты-Гирея Дели-Салтана и иных таких к противным замыслам не приставали. Но и когда о каких противностях на подданных его величества уведают, давали знать в Астрахань и на Терке камендантом, за что и впредь его царского величества милость к ним будет»¹¹². Кабардинцам, кроме того, недвусмысленно дали понять желательность поимки Бахты-Гирея и передачи его «в руки его царскому величеству», чем покажут они «в том к его величеству свою верность, [и] получают от его царского величества милость и жалованье».

Между тем события развивались по нарастающей — Крым все больше не устраивала такая активность непокорного султана. Из Кабарды в Санкт-Петербург пришли сведения, весьма точно отражающие специфику тогдашнего положения Бахты-Гирея: «Понеже Бахты-Гирей Дели-Салтан на Кубани салтаном учинился собою, и крымские ханы не хотят того, чтоб он тамо был, и возможно чаять, что он по николиком времени с Кубани выбит будет, а в Крым не поедет»¹¹³. Столкновение войск хана Саадет-Гирея III с мятежным султаном произошло в 1718 г. В мае на Кубань из Большой Кабарды прибыл сын крымского хана — Селим-Гирей, направляясь к Тамани и Темрюку. Начался сбор дополнительных сил из Крыма, Керчи и других мест — черкесов, турок, казаков И. Некрасова¹¹⁴. Решающий бой состоялся на р. Кубани «у перевозу Мамет-Пиреева». Бахты-Гирей, при котором находилось 3000 татар, был разбит и бежал в верховья Кубани¹¹⁵. По сведениям за весну 1718 г., принципиально подтверждающим другие данные, «из Большой Кабарды Крымского хана сын Сели[м] Гирей на Кубань собрал из Крыму из Керчи и адинские черкесы и и городовые и Темрюкские турки и вор Игнашка Некрасов... чинили бой с Бахты Гиреем. Он Бахты в малолюдстве збежал в горы»¹¹⁶.

После этого в улусах стали поговаривать, что победитель Селим-Гирей намерен всю кубанскую орду «гнать в Крым». Вообще, отношения Бахты-

Гирея и Саадет-Гирея, его племянника, были крайне сложными. Еще в конце 1720 г. хан был готов назначить Бахты-Гирея во главе «кубанской орды», определенной им к новому походу¹¹⁷. Весной 1721 г., когда хан выступил в очередной поход на Кабарду и находился одно время на реке Лабее, то «брат ево калга-салтан на реке Оропе (Урупе. — *Авт.*), а нурадин-султан с Бахта-Гиреем расположились на реке Кубани»¹¹⁸. Интересно, что в этом документе султан Бахты-Гирей не фигурирует как нурадын. Имя же нурадына, фигурирующего в документе, пока неизвестно, при этом можно отметить, что В.В. Батыров относит время лишения Бахты-Гирея этого титула к осени 1723 г., когда за убийство нескольких китаи-кипчакских мурз он был отстранен от власти Саадет-Гирем III, назначившим новым нурадыном своего сына — Салаат-Гирея; при этом сам Бахты-Гирей почему-то остался в Копыле¹¹⁹. В контексте всей предыдущей истории отношений Саадет-Гирея с Бахта-Гиреем (на которые влияла заинтересованность Порты в нейтрализации Дели-султана, о чем хану Саадет-Гирею было отчетливо дано понять) сообщение о лишении Бахты-Гирея нурадынства представляется нам крайне сомнительным.

Подчеркнем, что управлять, или хотя бы договариваться с Кубанской ордой было непросто; репрессии Бахты-Гирея по отношению к мурзам начались после его ссоры с «татарами» в 1773 г., во время которой те убили младшего брата Дели-султана, а тот в ответ — нескольких кипчакских мурз¹²⁰. В том же 1723 г. (летом?) кубанские мурзы убили одного из сыновей крымского хана, о чем Бахты-Гирей, при всей неприязни к дяде, не преминул ему донести¹²¹. Хан тогда направил на Кубань нурадином¹²² другого своего сына, на что мурзы отреагировали просто — они откочевали к Азову. Хотя постоянной ударной группировки у Бахты-Гирея не было, он умело использовал свое влияние, проявляя талант военачальника. Дели-султан, подчеркнем, уверенно чувствовал себя не только в калмыцких степях, на Кубани, но и в Закубанье. Так, в декабре 1723 г. он пребывал «за Кубаном при речке Битле, а войска-де при нем... нет и орда кубанская посполучеркесами, кои называются Атыюк-Улу... кочует за Кубаном же, только де есть от него Салтана... орде приказ, дабы они лошадей своих кормили и к походу были бы в готовности»¹²³. А летом того же 1723 г. Бахты-Гирей пребывал «за рекою Кубанью под горами при Черкеских жилищах»¹²⁴. Еще один пример, подтверждающий незаурядность личности Бахты-Гирея: в декабре хан Саадет-Гирей отправил к нему гонца с сообщением, что по приказу султана были посланы «от двора его» комиссары на съезд с российскими же комиссарами. Смысл послания к мятежному султану раскрывается в следующем: «ежели... при той комиссии буде несогласно и покажется к разрыву мира, и тогда-б оный Бахтыгирей... с Кубанскою ордою всемерно с Российскими подданными воизымел войну»¹²⁵. Политика двойных стандартов крымского двора в отношении Бахты-Гирея прослеживается еще и в том, что нурадын-султан, двоюродный брат Дели-султана, принимал его периодически в Копыле¹²⁶, о чем, несомненно, было известно в Бахчисарае. Сам Бахты-Гирей также был готов к ситуативным компромиссам с дядей — например, отдав в

1723 г., согласно ханскому повелению, несколько казаков, очевидно, российских подданных¹²⁷.

Для противодействия набегам неутомимого Бахты-Гирея российское правительство принимает решение (конечно, имелись и другие основания для такого шага¹²⁸) построить Царицынскую линию укреплений. Ее возведение длилось на протяжении 1718–1720 гг. Она состояла из земляного рва, вала и 4 крепостей, снабженных сильными гарнизонами¹²⁹. Были также предприняты дополнительные меры, направленные на удержание кочевников-ногайцев на российской территории и на противодействие их миграций на Кубань. В 1721 г. Петр I приказал астраханскому губернатору А. Волынскому, чтобы «джетысаны и джембуилуки все были раскосованы врознь по всем колмыцким улусам»¹³⁰. Выполнение царского указа губернатор поручил полковнику Беклемишеву. Но получилось так, что в распределении ногайских семей по калмыцким улусам не был заинтересован сын Аюки, Чакдоржап, который все больше превращался в единоличного правителя Калмыкии. Будучи женатым на ногайке Хандазе, он состоял в родственных отношениях с ногайскими мурзами и пользовался их поддержкой. Кроме того, он контролировал сбор налогов с ногайцев¹³¹. Но в феврале 1722 г. Чакдоржап умер, оставив завещание, согласно которого ногайцев следовало разделить между семью его сыновьями. Два года спустя умер и престарелый хан Аюка. В Калмыкии разразилась новая волна усобиц¹³², приведшая к очередному периоду дестабилизации ситуации на порубежье. Ногайцы стали массово откочевывать на Кубань к Бахты-Гирею.

Крымские ханы старались как можно скорее отправлять их в Крым, дабы не допускать чрезмерного усиления Бахты-Гирея¹³³. Для этого на Кубань в 1723 г. был направлен нурадын-султан с 5-тысячным войском. Но крымцам удалось переправить через Тамань только ногайцев кипчакского эля и около тысячи едисанцев. От кипчаков отошли китаи, которые вместе с едисанцами и джембуйлуковцами в общем количестве до 10 тыс. кибиток откочевали к Азову. Таким образом, по сообщению А. Волынского, Бахты-Гирей остался в местечке Копыла «вне силы»¹³⁴. Неслучайно вскоре Бахты-Гирей стал уговаривать отошедших к Азову китаи-кипчаков вернуться на Кубань, «обнадеживая их, что он им никакого зла не учинит. И в том им обещается присягою, на что-де они склоняютца»¹³⁵. Известно, что осенью 1724 г. в причерноморскую степь «с салтаном Бахтигереем прешло нагайцев тысяч с семь с женами и детьми»¹³⁶. Побег ногайцев от калмыков продолжались и в 1725 г.¹³⁷

Вскоре Дели-султан поддержал мятеж крымских мурз во главе с могущественным Джан-Темиром (Тимуром) Ширинским против хана Саадет-Гирея, выступив затем и против другого своего дяди — Менгли-Гирея II (1724–1730 гг.), уже назначенного ханом из Стамбула¹³⁸. И в этот раз мятежный султан решил привлечь калмыков для борьбы с новым крымским ханом — он просит военной помощи у Дондук-Омбо, Дондук-Даши и ханши Дармы-Балы. И снова ногайцы, как в 1717 г., становятся разменной картой в планах Бахты-Гирея — он обещает калмыкам вернуть оставшуюся часть едисанцев и джембуйлуков¹³⁹.

Спасаясь от ареста, мятежный Джан-Темир Ширинский бежал во второй половине 1725 г. на Кубань к Бахты-Гирею, куда вскоре выступил и сам хан. Это происшествие вызвало обеспокоенность в Стамбуле, причем Порты поставила в известность о нем российского посланника¹⁴⁰ и начала подготовку масштабной акции против Бахты-Гирея, отправив специально для этого новую партию янычар в Азов¹⁴¹. Обращает на себя внимание мнение некоторых наблюдателей о готовности Бахты-Гирея с «Ширинбеем и с его партизанами» нанести удар по Крыму¹⁴². История контактов обоих лидеров — тема перспективная и важная для объяснения резонанса, оказанного поступком Джан-Темира на состояние крымско-османских и даже осmano-российских отношений. Недаром документы фиксируют пребывание Бахты-Гирея в Крыму в ноябре 1724 г. — «в Вохнищах», в местности на речке Солгирь между Бахчисараем и Карасу-Базаром. Примечательно, что в трактовке турок-османов действия Бахты-Гирея и ширинского бея рассматриваются как бунт против Оттоманской Порты. Показательно, что Порты ставит в известность об этом Россию. Оперативно на Дон была отправлена императорская грамота от 3 ноября 1725 г., в которой выражалась серьезная обеспокоенность по поводу охраны пограничных территорий. Любопытно, что в грамоте четко прослеживается нежелание России допустить соединения Бахты-Гирея и Джан-Темира Ширинского с калмыками, а также требование к донцам оперативно информировать о действиях «бунтовщиков» Военную коллегию.

В итоге войска Бахты-Гирея и Джан-Темира были разбиты, а их предводители бежали в Малую Кабарду¹⁴³. Не вполне ясно, о том ли случае повествует другой документ, датированный 22 марта 1726 г., где указано, что после разгрома Бахты-Гирей и Джан-Темир скрывались в «горах во владениях Абазинских черкес», когда на Кубани в должности сераскера утвердился Сали (Салаат?)-Гирей, сын Саадет-Гирея¹⁴⁴. Интересно заметить — российские власти пытались тогда играть на противоречиях в доме Гиреев — пробуя соблазнить мятежников — Бахты-Гирея и его «гостя» из Крыма возможностью перехода в российское подданство. Между тем, посланец от российского правительства, отправленный с данной миссией, не смог найти тогда ни Джан-Темира, ни самого Бахты-Гирея. Еще раз подчеркнем авторскую мысль — фигура и действия одного человека — Бахты-Гирея — теперь уже не человека «второго плана в истории», а ставшего «первым», стали оказывать серьезное дестабилизирующее воздействие (с позиций обеих империй) на состояние региональной безопасности и даже (в определенной степени!) на состояние межгосударственных отношений. Можно уверенно говорить о том, что такое воздействие ощущалось на громадном пространстве, в котором выделялись три узловых и болезненных (для всех главных игроков на Кавказе и смежных с ним землях — России, Крымского ханства, Османской империи) локуса — Кабарда, Калмыцкое ханство и Западный Кавказ — Правобережная Кубань и Черкесия.

Несколько слов об участии Бахты-Гирея в «кабардинских делах», поскольку вопрос о Кабарде — применительно к состоянию «кавказской политики»

как России, так Гиреев и Османов — был едва ли не определяющим еще в первой половине XVIII в. Многолетняя борьба баксанской и кашкатауской «партий» за лидерство в Кабарде служила причиной вовлечения крымцев в междоусобную войну. Весьма симптоматично, что «баксанцы» моделируют свою систему родственных связей с Гиреями. В частности, И. Мисостов присягнул Сеадет-Гирею и породнился с ним, выдав замуж свою дочь за его племянника — кубанского сераскера Салих-Гирея¹⁴⁵. Через некоторое время А. Кайтукин, один из лидеров т. н. «прорусской (кашкатауской) партии», не получив должной поддержки от России, также счёл для себя возможным прибегнуть к крымскому фактору поддержки... в лице Бахты-Гирея. Таким образом, личность и ресурсы султана рассматривались частью кабардинских князей в качестве весьма серьезного политического и боевого противовеса устремлениям своих противников. Примечательно, что тот же А. Кайтукин открыто писал российским респондентам в 1725 г. о привлечении им Бахты-Гирея к разгрому Мисостовых из «баксанской партии»¹⁴⁶. Военный союз был скреплен семейными узами — А. Кайтукин выдал замуж за султана свою дочь, а тот отдал Кайтукину, в свою очередь, — сына¹⁴⁷ (на воспитание?). С другой стороны, тот же А. Кайтукин заключил союз с «ханом» Девлет-Гиреем, скрепив его браком одной из своих дочерей с младшим его сыном — Арслан-Гиреем¹⁴⁸. В сложившейся ситуации обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на принуждение кабардинцев Кайтукиным и Дели-султаном к признанию власти правящего хана Менгли-Гирея, налицо еще один аспект оказываемого на них давления — отправиться жить на Кубань¹⁴⁹. Здесь явно видна «рука» самого Бахты-Гирея, никогда не забывавшего о пополнении своей собственной ресурсной базы. В самом начале 1720-х гг. Бахты-Гирей принял участие в походе на Кабарду войск крымского хана Саадет-Гирея¹⁵⁰. Осенью 1723 г. Бахты-Гирей был замечен в Кабарде в качестве «разящего меча» «Арасланбека Татархана Кайсыма Бекова», который «ввел» султана с тем, чтобы «прочих князей искоренить, а ему быть владетельным князем и за то Бахты Гирею... обещает со всякого двора по два ясыря»¹⁵¹. Позднее Бахты-Гирей также причинял немало неприятностей своим противникам. Например, в челобитной кабардинских князей «Хотокчука-Бега» и «Ислам-Бега» Мисостовых на имя Петра I находим: «Мы на поле в кошах стояли, как ваш, так и наш неприятель Бахтагирей-Солтан приехал с калмыцкими и напал на Хотокчуку-Бега, из ево конских табунов 1000 лошадей отогнал»¹⁵².

В начале 1726 г. Дели-султан вновь вступает в борьбу за власть на Кубани, вновь прибегнув к помощи калмыков. Оппозиционно настроенные к наместнику ханства Церен-Дондуку калмыцкие тайши находили там прибежище, нападая оттуда вместе с ногайцами Бахты-Гирея на турецкие владения и укрываясь от преследования пограничной турецко-крымской администрации в российских владениях. Так, только в 1726 г. калмыки совершили с Бахты-Гиреем несколько нападений на османский Азов¹⁵³. В феврале 1727 г. российскому резиденту в Стамбуле И.И. Неплюеву пришлось выслушивать, как

указывает А.В. Цюрюмов, «крепкие турецкие выговоры о калмыцких делах». Особенно турки негодовали из-за союза калмыков с Бахты-Гиреем, а также из-за захвата калмыками посла Осман-мирзы Аги, который вез письмо из Стамбула в Азов¹⁵⁴. Императорской грамотой от 15 февраля 1727 г. Церен-Дондуку в числе прочих указаний запрещалось поддерживать Бахты-Гирея.

Бахты-Гирей умело вмешивался и во внутрикалмыцкие усобицы: так, в 1726 г. султан объединился с самим Церен-Дондуком и направился громить донские городки, а также калмыков «Четеря и Досанга Петра тайши», покинувших Калмыцкое ханство и откочевавших на Дон¹⁵⁵. Порта, рассматривая калмыков как подданных России, требовала от царского правительства усмирить бунтовщиков, угрожая санкционировать татарские набеги. В свою очередь, и Россия была встревожена затянувшейся нестабильностью на Кубани, из-за которой осложнялся контроль за южными границами и куда постоянно откочевывали подвластные ей кочевники. Летом 1727 г. для переговоров с Бахты-Гиреем был отправлен подполковник Беклемишев, которому поручалось склонить кубанского бунтовщика к союзу с Россией, пообещав ему военную помощь в борьбе за крымский престол. В противном случае русскому агенту было предписано найти способ лишить Дели-султана жизни. Впрочем, ни с тем, ни с другим заданием Беклемишев не справился¹⁵⁶. Заслуживает внимания многообразие форм и методов, при помощи каких российские власти стремились добиться усмирения либо нейтрализации султана Бахты-Гирея — от переманивания его на службу до организации наемного убийства. В частности, соответствующая заинтересованность выражена в указе от 17 ноября 1726 г. императрицы Екатерины II и Верховного тайного совета «О призывании» Бахты-Гирея и Джан-Темира Ширинского¹⁵⁷.

В то же время подвластные Церен-Дондуку тайши стали готовить поход на Кубань, чтобы вернуть едисанцев и джембуйлуковцев в свои кочевья. Русское правительство, связанное мирным договором с Портой, прислало к ним полковника И.И. Бахметева, чтобы отговорить их от подобного намерения. Кроме того, он имел также дополнительное поручение устранить Бахты-Гирея. С таким же поручением прибыл на Дон и генерал-майор Тараканов, который действовал через донских казаков и донских калмыков. Но все попытки устранить Бахты-Гирея оказались тщетными, поскольку калмыцкие тайши, в том числе и Церен-Дондук, были заинтересованы в сохранении нестабильности на Кубани — это позволяло им безнаказанно грабить российско-турецкое порубежье, прибегая к услугам Бахты-Гирея¹⁵⁸. Кроме того, возможен и такой аспект причин «приязни» калмыков по отношению к Дели-султану: их правители симпатизировали ему как воину, о котором ходили легенды на Кавказе, а Дондук-Даши считал за честь быть его названным братом¹⁵⁹.

Наместник Калмыцкого ханства Церен-Дондук принял его предложение напасть на Кубань, однако поход сорвался — спасаясь от преследования Салаат-Гирея, Бахты-Гирей бежал в Абазинские горы. Примечательно, что калмыки не нашли общего языка с Салаат-Гиреем, который не принял их

условий о возвращении на Волгу едисанцев и джембуйлукцев. Летом 1726 г. Бахты-Гирей вышел из Абазинских гор к реке Кок-Айгор и направился к Волге на соединение с калмыками¹⁶⁰. Эта весть встревожила Салаат-Гирея, направившего послов в калмыцкие улусы. Поддержанный калмыками в очередной раз, Бахты-Гирей напал вскоре на Азов, предложив при этом Салаат-Гирею заключить мир. Но Салаат-Гирей решил покончить с Бахты-Гиреем и двинулся в марте 1727 г. в поход на калмыков, который в итоге провалился. Напротив, действуя при поддержке именно калмыков, Бахты-Гирей стал угрожать Салаат-Гирею перейти к военным действиям, если тот с ним не помирится. Вскоре после этого султан добровольно взял на себя обязательства по охране границы России от набегов кубанцев¹⁶¹.

Вместе с тем вновь появилась информация о претензиях Бахты-Гирея на ханский престол, занимаемый тогда Менгли-Гиреем. Так, Дондук-даши сообщал подполковнику и саратовскому воеводе Беклемишеву о намерении султана завоевать кубанцев при поддержке калмыков, а затем захватить Крым и стать новым ханом¹⁶². Кубань, впрочем, интересовала Бахты-Гирея прежде всего, и в конце 1727 г. он уговаривает калмыков организовать новый поход. Заодно он жестко заявил кубанским татарам, что, если те хотят воевать с ним, «тоб в том стояли, а буде хотят поддаться под владение его, то-б о том дали ему знать»¹⁶³. Хатаи-кипчаки, которых сам он, как метко зафиксировал один документ той эпохи, «почитал своими», между прочим, были готовы признать власть Бахты-Гирея. Последний умело пользуется противоречиями местного кочевого общества (включая едисанцев, салтаноульцев, енбулуков) для части представителей которого он — несомненный авторитет¹⁶⁴. Понимал он и особую заинтересованность калмыков в обретении дополнительного контингента воинов в лице кубанцев, поскольку слухи о готовящемся нападении на них России и Османской империи не могли их не беспокоить. Россия попыталась тогда воспрепятствовать походу Бахты-Гирея и калмыков на Кубань — недаром Беклемишев направил соответствующие письма наместнику ханства Церен-Дондуку и ханше Дарме-Бале¹⁶⁵. Особенно подполковника возмутило ответное заявление калмыков, что при встрече его с Бахты-Гиреем якобы велись разговоры о том, что Дели-султан «Его Императорскому Величеству и им калмыкам друг...».

В 1728 г., заручившись поддержкой калмыков (недаром Церен-Дондук говорил нарочному Салаат-Гирею о том, что он пришел на Кубань поставить Бахты-Гирея султаном) и кочевавших на Кубани ногайцев (в частности едисанцев), Дели-султан заключил своеобразный договор с кубанским сераскером Салаат-Гиреем — «одному противу другаго не воевать». Примечательно, что переговоры соперники вели на расстоянии, «чрез пересылку»¹⁶⁶. Сложилась, на наш взгляд, крайне своеобразная для Крымского ханства ситуация, когда официальный представитель хана, сераскер, был вынужден официально уступить часть своих властных полномочий. Туркам в какой-то мере удалось опередить приход Дели-султана и калмыков и вовремя перевести едисанцев и

джембулуковцев «через Крым... в Белгородскую орду, дабы их калмыки не взяли к себе по прежнему на Волгу или б они собою к ним не ушли»¹⁶⁷. Единственной опорой Бахты-Гирея оказались некоторые мурзы Кубанской орды и калмыки. В частности, «протекцию» султана признали все те же хатаикипчаки и едисанцы, присягнувшие ему. Обращает на себя внимание факт заботы Бахты-Гирея о своих постоянных, пожалуй, союзниках — калмыках, вновь поддержавших его в борьбе за власть. Так, предполагая нападение войск Салаат-Гирея на калмыцкие улусы, дели-султан даже уговаривал их, снабдив продуктами, вернуться, что вскоре и произошло. «И тако они владельцы с ним утвердяся присягами возвратились к своим улусам, а при нем Бакты-гирее оставили Яманова родственника зайсанга Череня Отхаева (который и прежде бывал при нем) и командированных... Калмык 450 человек...»¹⁶⁸. Одному из очевидцев своего возвращения в улусы измученные калмыки с гордостью сообщили, что они «пользу получили, Бахты-Гирей остался на Кубани действительным султаном»¹⁶⁹. Очередное возвращение Дели-султана на Кубань в качестве ее фактического правителя вызвало оживленную переписку встревоженных представителей российских властей¹⁷⁰. Интересно, что крымский хан Менгли-Гирей не выступил против калмыков, ограничившись соответствующим письменным требованием к киевскому губернатору кн. Трубецкому¹⁷¹. Менгли-Гирей был вынужден примириться с Бахты-Гиреем.

Салаат-Гирей, уступая Бахты-Гирею, бежал в горы, вероятно, в Черкесию. Часть сераскерского войска тогда составили черкесы, едисанцы, запорожцы — «всего тысяч с десять и вора Игнатки Некрасова сын Мишка с донскими воровским казаками во шти... стах человеках»¹⁷². Переменчивая фортуна вскоре, однако, отвернулась от самого Бахты-Гирея — и теперь уже он был вынужден после описанных выше событий бежать в горы всего с шестью воинами¹⁷³. Впрочем, какое-то время после победы над Салаат-Гиреем султан продолжал находиться в Копыле, по данным В.В. Батырова, со своим тестем Азамат-Мурзою и отрядом из 1 тыс. калмыков¹⁷⁴. Интересно, что, согласно других вышеприведенных сведений, тестем Бахты-Гирея в середине 1720-х гг. являлся кабардинский князь А. Кайтукин. Вероятно, при более тщательном изучении вопроса может выясниться, что многоженство Дели-султана (если оно имело место в действительности) также может быть отнесено к числу примеров его политической дальновидности и умения выстраивать изоциренные комбинации альянсов из фронтирных элит.

Кавказ сыграл роковую роль в жизни Бахты-Гирея. Источники расходятся в описании подробностей гибели «бешеного султана». В. Бакунин отмечал в свое время, что Бахты-Гирей погиб во время похода против баксанских кабардинцев (1729 г.)¹⁷⁵. Современные специалисты также указывают Кабарду местом гибели Бахты-Гирея: «Весной 1729 г. крымские войска во главе с сераскиром Имеат-Гиреем, его братом Бахты-Гиреем и А. Кайтукиным вторглись в Кабарду, но после двухдневных боев потерпели сокрушительное поражение. В сражении погибли оба султана»¹⁷⁶. Наконец, в ноте России,

представленной Порте в июле 1750 г., сообщалось, что крымский хан Арслан-Гирей по-прежнему требует возмещения от кабардинцев «за кровь» своего брата Бахты-Гирея, убитого ими «во время крымского набега в Кабарду еще в 1729 г.»¹⁷⁷. Недаром в «листе» кабардинских князей от 22 августа 1731 г. (написанным по весьма серьезному поводу, с упоминанием о службе кабардинцев России со времен Ивана Грозного, с просьбой о помощи против нападающих врагов и пр.) нашлось место и для упоминания истории, когда «сераскер султан з Бахты-Гирей салтаном с войском приходил, и паки от нас они разбиты; и сераскер салтан з Бахты-Гирей салтаном до смерти убиты»¹⁷⁸.

Известия о гибели Бахты-Гирея вызвали бурную и вместе с тем различную реакцию у современников — при правящих дворах и администрациях разного уровня. Например, оно, как указывает авторитетный источник Сейид-Мухаммед Риза, было с радостью воспринято в Стамбуле¹⁷⁹. Дондук-Омбо, напротив, стал «зело печален». Согласно сведений, поступивших в Военную коллегию, обстоятельства гибели султана выглядели следующим образом. Весной 1729 г. Бахты-Гирей с небольшим отрядом отправился к темиргоевцам — «для взятъя от них обыкновенной дани, которые-де черкесы давали ему... в дань тысячу ясырей»¹⁸⁰. Ночью черкесы напали на его лагерь и убили вместе с братом, кубанским сераскером¹⁸¹. Согласно этой трактовке, данное событие встревожило азовского пашу, отправившего своих посланцев в Черкесию. Посланцы подтвердили гибель обоих султанов от рук «Темиргонских Черкесов», узнав, что их тела копыльские татары взялись доставить «для ведома в Крым»¹⁸². В итоге азовский паша «публиковал всенародно» сообщения об этом «убивстве». Не отрицая историчности сведений о месте гибели Дели-султана в Кабарде, отметим лишь, что интерпретационные версии, какими бы они ни были, лишний раз свидетельствуют о масштабе личности мятежного и мятущегося султана, и после своей смерти не забытого современниками.

Таким образом, на протяжении почти всей первой трети XVIII в. Бахты-Гирей оказывал противодействие становлению линейных границ между Российской и Османской империями, удерживая их в состоянии фронтального пространства. Следуя логике аргументов А. Рибера¹⁸³, подчеркнем, что концепция и эволюция линейных границ всегда играли важную роль в создании идеологий и институциональных структур, т. е. внутренних измерений государства. А поскольку способность империй управлять своими границами является одним из факторов их долговечности, то совершенно очевидна масштабность тех угроз, которые несла обеим империям деятельность Бахты-Гирея, выстраивавшего собственные схемы отношений с кочевыми народами Кубани и Поволжья, традиционный уклад жизни которых был немыслим вне фронтального пространства причерноморской степи и кавказского узла.

---

¹ *Каппелер А.* Южный и восточный фронт России в XVI-XVII веках // *Ab imperio*. — 2003. — № 1; *Boeck B.J.* Ahfting Boundaries on the Don Steppe Frontier: Cossacks, Empires and

Nomads to 1739: Thesis of Doctor of Philosophy in history Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 2002; *Rieber A.* Frontiers In History // International Encyclopedia of the Social Sciences. — Oxford, 2001; *Barret Th.M.* At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. — Boulder, 1999; Frontiers In Question. Eurasian Borderlands. 1700–1700 / Ed. by D. Power, N.L. — Standen, 1999.

² *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: В 2-х т. — М., 2005.

³ *Греков И.Б.* К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. (по данным Э. Челеби) // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. — М., 1979. — С. 302.

⁴ *Inalcik H.* Khan and the Tribal Aristocracy: the Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. — 1981. — № 10. — P. 445–466; *Veinstein G.* La revolte des mirsa tatars contre le khan. 1724–1725 // Cahiers du monde kusse et sovietique. — Sorbonne, 1971. — Vo1. 12. — №. 3. — P. 327–338.

⁵ *Батыров В.В.* Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях с Калмыцким и Крымским ханствами // Сарепта: Историко-этнографический вестник. — Волгоград, 2006; Итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS-2004) и перспективы развития востоковедения в астраханском крае: Расширенное заседание Совета по научной работе Астраханской областной б-ки им. Н.К. Крупской 27 сентября 2004 г. // Астраханское востоковедение. — Астрахань, 2006. — Вып. 1; *Грибовский В.В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. — М., 2009. — С. 67–97.

⁶ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... — С. 271.

⁷ Там же. — С. 494.

⁸ *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. — М., 1964. — С. 139–149.

⁹ Освещение ряда сюжетов см.: *Бережков М.* Русские пленники и невольники в Крыму // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.). — Одесса, 1888. — Т. 2; *Боук Б.М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. — 2001. — № 4; *Мильчев В.* Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією // История українського козацтва: Нариси у 2 томах — К., 2006. — Т. 1; *Сень Д.В.* Крымское ханство и казачество в последней четверти XVII — начале XVIII века: отношения в контексте международной политики (на примере донских и запорожских казаков) // 350-lecie unii hadziackiej (1658–2008). — Warszawa, 2008; Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. — начало XVIII в.). — Ростов-на-Дону, 2009.

¹⁰ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. — М., 2006. — С. 29.

¹¹ *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей. — М., 2004. — С. 58.

¹² *Сомель С.А.* Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции // Российская империя в сравнительной перспективе. — С. 185.

¹³ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... — С. 491, 496.

¹⁴ См. важное в этом отношении мнение Г.А. Санина о недостаточном внимании специалистов к изучению вопроса о попытках Крымского ханства добиться большей самостоятельности от Порты в XVII в. Впрочем, от более решительных оценок в поле соответствующей дискуссии историк воздержался (*Санин Г.А.* Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* — Симферополь, 1993. — Вып. III. — С. 225–227.).

¹⁵ *Санин О.Г.* Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* — Вып. III. — С. 275–279.

¹⁶ *Артамонов В.А.* Очаги военной силы украинского народа в конце XVI — начале XVIII в. // *Белоруссия и Украина: История и культура.* Ежегодник 2003. — М., 2003. — С. 65.

¹⁷ *Орешкова С.Ф.* Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // *Вопросы истории.* — 2005. — № 3. — С. 37.

¹⁸ *Геровский Ю.* Отношение Польши к Турции и Крыму в период персональной унии с Саксонией // *Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII вв.: Сб. статей.* — М., 1979. — С. 344–375.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). — СПб., 1830. — Т. 4: (1700–1712 гг.). — С. 68–70.

²⁰ *Иналджик Г.* Боротьба за Східно-Європейську імперію, 1400–1700 рр. Кримський ханат, Османи та піднесення Російської імперії // *Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу) / Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994 р.).* — К., 1995. — С. 128–129.

²¹ ПСЗ. — Т. 4. — С. 324–325; *Тепкеев В.Т.* Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. — М., 2005. — С. 31; *Кордони Війська Запорозького та діяльність російсько-турецької межової комісії 1705 р. (за документами РДАДА).* Запоріжжя, 2004. — С. 7–10.

²² *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. — К., 1993. — С. 356.

²³ *Замятин Д.Н.* Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* — М., 2002. — № 1. — С. 53.

²⁴ *Грибовский В.В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // *Тюркологический сборник.* — М., 2009. — С. 73–80.

²⁵ *Санин О.Г.* Внутренняя борьба в Крыму 1700–1703 гг. и ее влияние на русско-крымские отношения // *Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов научной конференции 23–28 сентября 1991 г.* — Симферополь, 1991.

²⁶ Итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS-2004) и перспективы развития востоковедения в астраханском крае: Расширенное заседание Совета по научной работе Астраханской областной б-ки им. Н.К. Крупской 27 сентября 2004 г. // *Астраханское востоковедение.* — Вып. 1.

²⁷ *Грибовський В.* Формування локальної групи причорноморських ногайців // *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.).* — К., 2004. — Вып. 4. — С. 279–306; *Его же.* Запорозжці і ногайці в контексті Великого Кордону // *Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення Науково-дослід-*

ного інституту козацтва Інституту історії України НАН України. — Нікополь–Запоріжжя, 2005. — Вип. 1. — С. 95–131.

²⁸ *Станіславський В.В.* Запорозька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок XVIII ст.) // Укр. іст. журн. — 1998. — № 1. — С. 6–15.

²⁹ *Hammer J.* Geschichte der Chane der Krim unter der osmanischen Herrschaft. — Vienne, 1856. — P. 197; *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... — С. 44. В.Д. Смирнов, в частности, говорит о «шайке» Бахты-Гирея, изображая его изворотливым человеком, который «продолжал время от времени творить смуты, то делая вид покорности хану Крымскому, то соединяясь с калмыками, чтобы совершать насилия над мусульманскими обитателями кубанских поселений».

³⁰ *Михайлов А.А.* Кабарда в военной истории России первой половины XVIII века // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы. — Нальчик, 2008. — С. 61.

³¹ *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. — Элиста, 2007. — С. 134, 138.

³² *Санин О.Г.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1996. — С. 259.

³³ *Батыров В.В.* Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях с Калмыцким и Крымским ханствами // Сарепта: Историко-этнографический вестник. — Волгоград, 2006. — Вып. 2. — С. 43, 50.

³⁴ *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. — С. 56.

³⁵ *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. — М., 1971. — С. 36, 69.

³⁶ *Тепкеев В.Т.* Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке... — С. 31.

³⁷ *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. — 1866. — Т. 1. Июнь. — С. 227.

³⁸ *Станіславський В.В.* Запорозька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством ... — С. 6. См. также: Кордони Війська Запорозького та діяльність російсько-турецької межової комісії 1705 р. (за документами РДАДА). — С. 9–12.

³⁹ *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения... — С. 36.

⁴⁰ *Санин О.Г.* Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1993. — Вып. III. — С. 275–279.

⁴¹ *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения... — С. 69, 78–79; *Sutton R.* The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1700–1714). — London, 1953. — P. 28.

⁴² *Veinstein G.* La revolte des mirsa tatars contre le khan. 1724–1725 // Cahiers du monde kusse et sovietique. — Sorbonne, 1971. — Vol. 12. — №. 3. — P. 327–338. См. также: *Пейссонель III.* Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В.Х. Лотошниковой, вступ. ст., прим. и ком. В. Грибовского. — Днепропетровск, 2009. — С. 14.

⁴³ *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: Исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. — конец 1920-х гг.). — Краснодар, 2002.

⁴⁴ Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. — К., 2007. — С. 736.

⁴⁵ *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). — М., 1990. — С. 52.

⁴⁶ *Субтельний О.* Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. — К., 1994. — С. 80.

⁴⁷ *Тепкеев В.Т.* Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке... — С. 39.

⁴⁸ В середине XVIII в. французский консул в Крыму Ш. де Пейссонель воспроизвел рассказы современников о поведении Девлет-Гирея после заключения Прутского мира: в Андрианополе, где находился султанский двор, Девлет получил от султана разрешение возвращаться в Крым, но, садясь на коня, одну ногу занес в стремя, а другую держал на камне приступка. «Султан спросил у него о причине, мешающей ему отправиться в дорогу, и хан ответил, что не сядет до тех пор на лошадь, пока ему не принесут головы Балтаджи-Мех[мед]-паши, великого везира, к которому он питал ненависть со времени [заключения] мира на Пруте» (*Пейссонель Ш.* Записка о Малой Татарии. — С. 14).

⁴⁹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). — Ф. 123. — Оп. 4. 1712 г. — Д. 1. — Л. 2, 3.

⁵⁰ ПСЗ. — Т. 4. — С. 714–716, 824–829.

⁵¹ В качестве примера урегулирования пограничных отношений Каплан-Гиреем можно привести его ярлык, данный подчиненным ему запорожцам: «многократно лядская сторона за великие кривди, от Войска вашего починенные..., до нас, панства Крымского, позивала», претендуя на сумму 700 кесей «за шляхтичев, за жидов и за хрестиянских людей». Хан обязал запорожцев выплатить лишь 15 кесей, причем эти деньги под присмотром ханских властей были переданы польским представителям (Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. — К., 1998. — Т. 1. — С. 48–49).

⁵² *Тепкеев В.Т.* Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке... — С. 28.

⁵³ Там же. — С. 32.

⁵⁴ Там же. — С. 25.

⁵⁵ Там же. — С. 40.

⁵⁶ *Бранденбург Н.* Кубанский поход 1711 года // Военный сборник. — Кн. 3. Март. — 1867. — С. 29–41 (отделение II).

⁵⁷ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах. — М., 1957. — Т. 2. — С. 6–10.

⁵⁸ *Бранденбург Н.* Указ. соч. — С. 38–40.

⁵⁹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. ... — Т. 2. — С. 19.

⁶⁰ *Howorth Henry H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. Part II. The so-called Tartars of Russia and Central Asia. — London, 1880. — Division I. — P. 75.

⁶¹ Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов или история Крыма / Транскрипция, перевод переложения А. Ильми. — Симферополь, 2008. — С. 115.

⁶² Там же. — С. 157.

⁶³ Там же. — С. 114.

⁶⁴ *Смирнов В.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. — М., 2005. — С. 29.

⁶⁵ *Тепкеев В.Т.* Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке... — С. 64–65.

⁶⁶ Грибовський В. Ногайські орди у політичній системі Кримського ханства // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). — К., 2008. — Вип. 8. — С. 154–155.

⁶⁷ Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). — Одесса, 1889. — Т. 15. — С. 178.

⁶⁸ Тепкеев В.Т. Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке... — С. 42–45.

⁶⁹ Там же. — С. 48.

⁷⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). — Ф. 127. — Оп. 1. — 1754 г. — Д. 1. — Л. 3 об., 4–6.

⁷¹ Батыров В.В. Указ. соч. — С. 38.

⁷² Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв... — Т. 2. — С. 16.

⁷³ Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... — С. 178.

⁷⁴ Батыров В.В. Указ. соч. — С. 39.

⁷⁵ Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты.. — С. 29.

⁷⁶ АВПРИ. — Ф. 127. — Оп. 1. 1754 г. — Д. 1. — Л. 6.

⁷⁷ Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... — С. 29.

⁷⁸ Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгаутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1939. — Т. 3 (94). — С. 202.

⁷⁹ РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. 1717 г. — Д. 4. — Л. 1 об.

⁸⁰ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв... — Т. 2. — С. 19.

⁸¹ Описание калмыцких народов... Василия Бакунина. — Т. 3 (94). — С. 202.

⁸² РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. 1717 г. — Д. 4. — Л. 1.

⁸³ Тепкеев В.Т. Калмыцко-крымские отношения в период с 1710 по 1715 гг. — С. 39.

⁸⁴ РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. 1717 г. — Д. 4. — Л. 2.

⁸⁵ Там же. — Л. 15.

⁸⁶ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVII вв. — Саратов, 1923. — С. 322.

⁸⁷ Там же. — Л. 18.

⁸⁸ РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. 1717 г. — Д. 4. — Л. 15 об.

⁸⁹ Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). — Ф. 55. — Оп. 1. — Д. 1471. — Л. 3.

⁹⁰ РГАДА. — Ф. 177. — Оп. 1. 1736 г. — Д. 101 в. — Л. 41–41 об.

⁹¹ Гераклитов А.А. Указ. соч. — С. 323.

⁹² РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. 1717 г. — Д. 4. — Л. 93 об.–94, 96, 102–103; ГАРО. — Ф. 55. — Оп. 1. — Д. 1471. — Л. 44; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным (далее — Акты Лишина). — Новочеркасск, 1891. — Т. 1. — С. 280.

⁹³ ГАРО. — Ф. 55. — Оп. 1. — Д. 1471. — Л. 3.

⁹⁴ Там же. — Л. 94.

- ⁹⁵ Акты Лишина. — Т. 1. — С. 278–279.
- ⁹⁶ Там же. — С. 280.
- ⁹⁷ *Смирнов В.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты... — С. 33.
- ⁹⁸ РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. 1717 г. — Д. 4. — Л. 39.
- ⁹⁹ Там же. — Л. 42–56 и др.
- ¹⁰⁰ Акты Лишина. — Т. 1. — С. 280.
- ¹⁰¹ ГАРО. — Ф. 55. — Оп. 1. — Д. 1471. — Л. 31, 32.
- ¹⁰² Акты Лишина. — Т. 1. — С. 280.
- ¹⁰³ Саадет (Сеадет)-Гирей III правил в 1717–1724 гг. (См.: *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии. — М., 2004. — С. 169).
- ¹⁰⁴ ГАРО. — Ф. 55. — Оп. 1. — Д. 1473. — Л. 41.
- ¹⁰⁵ Там же. — Л. 42.
- ¹⁰⁶ Там же. — Л. 2–3.
- ¹⁰⁷ Из письма А. Мисостова и др. кабардинских князей Петру I // РГАДА. — Ф. 115. Кабардинские дела. — 1717 г. — Д. 6. — Л. 1–4.
- ¹⁰⁸ РГАДА. — Ф. 115. — Оп. 1. 1718 г. — Д. 1. — Л. 27.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Из расспросных речей в Посольском приказе кабардинского посла Султан-Али Абашеева // РГАДА. Ф. 115. — Оп. 1. 1718 г. — Д. 1. — Л. 26–28 об.
- ¹¹¹ АВПРИ. — Ф. 77. — 1722 г. — Д. 23. Из письма эндереевского владельца Салтан-Махмуда Петру I. — Л. 9–12.
- ¹¹² РГАДА. — Ф. 115. — Оп. 1. 1718 г. — Д. 2. — Л. 38.
- ¹¹³ Из расспросных речей в Посольском приказе кабардинского посла Султан-Али Абашеева // РГАДА. — Ф. 115. — Оп. 1. 1718 г. — Д. 1. — Л. 26–28 об.
- ¹¹⁴ ГАРО. — Ф. 55. — Оп. 1. — Д. 1473. — Л. 53.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ РГАДА. — Ф. 111. — Кн. 23. — Л. 888.
- ¹¹⁷ АВПРИ. — Ф. 115. — Оп. 1. — 1720 г. — Д. 1. — Л. 71.
- ¹¹⁸ *Фидарова Р.З.* Противоборство княжеских коалиций в Кабарде и роль внешних факторов в его обострении (1720–1725) // Исторический вестник. — Нальчик, 2007. — Вып. 5. — С. 38.
- ¹¹⁹ *Батыров В.В.* Указ. соч. — С. 40.
- ¹²⁰ *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. — Екатеринодар, 1904. — Т. 1. — С. 6; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). — Ф. 20. — Оп. 1/47. — Д. 3. — Л. 206.
- ¹²¹ *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов... — С. 7.
- ¹²² Там же. — С. 7. Данное свидетельство служит еще одним подтверждением несостоятельности мнения В. В. Батырова о нурадынстве Бахты-Гирея.
- ¹²³ Там же. — С. 3.
- ¹²⁴ Там же. — С. 7.

- ¹²⁵ Там же. — С. 3.
- ¹²⁶ Там же. — С. 7.
- ¹²⁷ РГВИА. — Ф. 20. — Оп. 1/47. — Д. 3. — Л. 108.
- ¹²⁸ *Лавринова Т.И.* Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования.: Дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 1990.
- ¹²⁹ *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. — М., 1977. — С. 232
- ¹³⁰ АВПРИ. — Ф. 127. — Оп. 1. 1754 г. — Д. 1. — Л. 4 об.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Описание калмыцких народов... Василия Бакунина. — С. 204–205.
- ¹³³ Пленные из Крыма, «вышедшие» на российскую сторону, показали 11 сентября 1723 г. в Бахмутской канцелярии о слухах насчет движения «во время жатвы хлеба» из Крыма через Тавань «орды» великой», направлявшейся на Кубань «на Бахты Гирей Салтана» (РГВИА. — Ф. 20. — Оп. 1/47. — Д. 3. — Л. 179 об.). Вероятно, впрочем, в большей степени Бахчисарай был тогда озабочен ликвидацией общей напряженности на Кубани и «смирением» кубанцев (РГВИА. — Ф. 20. — Оп. 1/47. — Д. 3. — Л. 199 об.).
- ¹³⁴ *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. — Алма-Ата, 1988. — С. 133.
- ¹³⁵ РГВИА. — Ф. 20. — Оп. 1/47. — Д. 3. — Л. 206.
- ¹³⁶ *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. — Владимир, 1903. — Т. 2. — С. 1110.
- ¹³⁷ *Курбанов А.В.* Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки. — СПб., 1995. — С. 25.
- ¹³⁸ *Батыров В.В.* Указ. соч. — С. 41.
- ¹³⁹ Там же. — С. 41.
- ¹⁴⁰ *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов... — С. 9.
- ¹⁴¹ Там же. — С. 9–10.
- ¹⁴² Там же. — С. 10–11.
- ¹⁴³ *Батыров В.В.* Указ. соч. — С. 42.
- ¹⁴⁴ *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов... — С. 12.
- ¹⁴⁵ Адыгская (Черкесская) энциклопедия. — М., 2006. — С. 198, 200.
- ¹⁴⁶ Канжальская битва и политическая история Кабарды... — С. 373.
- ¹⁴⁷ Там же. — С. 374.
- ¹⁴⁸ *Фидарова Р.З.* Указ. соч. — С. 40.
- ¹⁴⁹ Канжальская битва и политическая история Кабарды... — С. 374.
- ¹⁵⁰ *Жемухов С.Н.* Кабардино-крымская война 1720–1721 гг. и ее историческое значение // Канжальская битва и политическая история Кабарды... — С. 268.
- ¹⁵¹ *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов... — С. 5.
- ¹⁵² История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сборник статей и документов. — Нальчик, 2005. — С. 68.
- ¹⁵³ *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России... — С. 202.
- ¹⁵⁴ Там же.

- ¹⁵⁵ Фелицын Е. Д. Сборник архивных документов... — С. 4.
- ¹⁵⁶ Описание калмыцких народов... Василия Бакунина. — С. 204–205, 227–229.
- ¹⁵⁷ Батыров В.В. Указ. соч. — С. 46.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же. — С. 43.
- ¹⁶⁰ Там же. — С. 43–44.
- ¹⁶¹ Там же. — С. 47.
- ¹⁶² Там же. — С. 48.
- ¹⁶³ Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов... — С. 22.
- ¹⁶⁴ Там же. — С. 28.
- ¹⁶⁵ Там же. — С. 31.
- ¹⁶⁶ Там же. — С. 36.
- ¹⁶⁷ Описание калмыцких народов... Василия Бакунина. — С. 204–205, 229; АВПРИ. — Ф. 127. Ногайские дела. — Оп. 1. — 1754 г. — Д. 1. — Л. 5 об.
- ¹⁶⁸ Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов... — С. 36.
- ¹⁶⁹ Батыров В.В. Указ. соч. — С. 50.
- ¹⁷⁰ Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов... — С. 37.
- ¹⁷¹ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России... — С. 203.
- ¹⁷² Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов... — С. 38.
- ¹⁷³ Там же. — С. 39.
- ¹⁷⁴ Батыров В.В. Указ. соч. — С. 50.
- ¹⁷⁵ Описание калмыцких народов... Василия Бакунина. — С. 231–232.
- ¹⁷⁶ Адыгская (Черкесская) энциклопедия... — С. 200. Сам А. Кайтукин после такого разгрома «паки с крымским войском в Крым ушел».
- ¹⁷⁷ Якубова И.И. «Кабардинский вопрос» в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // Исторический вестник. — Нальчик, 2005. — Вып. 2. — С. 116.
- ¹⁷⁸ АВПРИ. — Ф. 115. — 1731–1732 гг. — Д. 2. — Л. 113.
- ¹⁷⁹ Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Османской Порты... — С. 45.
- ¹⁸⁰ Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов... — С. 49.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Там же. — С. 49.
- ¹⁸³ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей. — Казань, 2004. — С. 200.